

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРУШЕНИЕ ГАБСБУРГСКОЙ ИМПЕРИИ

Моритц Верена — доктор философии, научный сотрудник Института истории Восточной Европы Венского университета, член Российско-австрийской комиссии историков (Вена, Австрия).

E-mail: verena.moritz@univie.ac.at

Аннотация. Влияние русской революции на империю Габсбургов в последний период ее существования и дальнейшая австрийская история, начиная с событий, которые социал-демократ Отто Бауэр назвал «австрийской революцией», стала одной из историографических проблем, рассматриваемых с разных точек зрения. Одним из основных исследуемых вопросов было формирование образованной в ноябре 1918 г. Коммунистической партии Австрии. Помимо этого, изучаемая проблематика как правило включалась в общие описания последнего периода существования Габсбургской монархии. Публикуемые рассуждения следует понимать, как обзор, в центре внимания автора которого находятся события в австрийской части империи на фоне революционных потрясений в России. Статья опирается в основном на материалы библиографического издания, посвященного восприятию русской революции в Габсбургской монархии, опубликованного автором в 2017 г. В статье на основе публикаций немецкоязычных газет Цислейтании о событиях в России исследуется восприятие их обществом, а также реакция на эти события тех, от кого зависели решения в Вене.

Русская революция не была ответственна за падение Габсбургской империи, но она привела в движение механизмы и ускорила процессы, которые по-разному и в разной мере способствовали краху австрийско-венгерской монархии. Потрясения в бывшей царской империи стали исходными пунктами для социальных и национальных требований, выдвинутых в Габсбургской империи в 1917–1918 гг.

Австро-Венгрия распалась на национальные государства с хрупкой демократией и нездоровой экономикой. В немецкой Австрийской республике, возникшей в конце 1918 г., доминировала сильная социал-демократия, которая сдерживала революционные тенденции и существенно повлияла на формирование политики первого послевоенного периода. Отношение австрийских социал-демократов к большевистскому курсу в любом случае оказалось амбивалентным: несмотря на начатую в 1918 г. открытую критику большевистского режима, признавалась великая символическая сила Октябрьской революции в России.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, австрийская часть империи, русские революции 1917 г., их восприятие и последствия.

V. Moritz**The Russian Revolution and the Collapse of the Habsburg Empire**

Verena Moritz, Department of Eastern European History of University of Vienna, Austria. The member of Austrian-Russian historians commission (Vienna, Austria).

E-mail: verena.moritz@univie.ac.at

Annotation. The influence of the Russian Revolution on the Habsburg Empire in its last period and the subsequent Austrian history, beginning with what the social Democrat Otto Bauer called the "Austrian revolution", has become one of the historiographical problems considered from different points of view. One of the main issues studied was the formation of the Communist party of German Austria formed in November 1918. In addition, the problems studied were usually included in general descriptions of the last period of the Habsburg monarchy's history. The thoughts published here should be understood as a review, the author of which focuses on the events in the Austrian part of the Empire against the background of revolutionary upheavals in Russia. The article relies mainly on the materials of a bibliographical publication on the perception of the Russian Revolution in the Habsburg monarchy published in 2017. In the article, on the basis of publications in the German-language newspapers of Cisleithania about events in Russia, the society's perception of and the reaction to these events on the part of those on whom the decisions in Vienna depended are explored.

The Russian revolution was not responsible for the fall of the Habsburg Empire, but it set in motion the mechanisms and accelerated the processes that contributed in different ways and to different degrees to the collapse of the Austrian-Hungarian Monarchy. The upheavals in the former tsarist Empire were the starting points for the social and national demands made in the Habsburg Empire in 1917–1918.

Austria-Hungary broke up into nation states with fragile democracies and unhealthy economies. The German Republic of Austria, which emerged at the end of 1918, was dominated by a strong social democracy, which restrained revolutionary tendencies and significantly influenced the formation of the policy of the first post-war period. The attitude of the Austrian Social Democrats towards the Bolshevik course in any case turned out to be ambivalent: despite the open criticism of the Bolshevik regime launched in 1918, the great symbolic power of the October revolution in Russia was recognized.

Keywords: Habsburg Monarchy, Austrian part of the Monarchy, Russian Revolutions, Perceptions, Consequences

Многие в мире ожидали, даже желали революции в России — и не только в царской империи. Немецкие и австрийские информационные агентства с начала Первой мировой войны усердно собирали все новости, указывающие на внутренний кризис в России. А. фон Хойос, один из дипломатов Габсбургской империи, сыгравший в 1914 г. немаловажную роль в процессе принятия решений, которые летом 1914 г. привели к войне¹, в начале 1917 г., еще до Февральской революции в России, признал, насколько велико было влияние ожидаемой революции на принятие в Вене решения о войне. Хойос поделился с одним из доверенных лиц

¹ *Moritz V.* „Wir sind also noch fähig zu wollen!“ Alexander Hoyos und die Entfesselung des Ersten Weltkriegs. — *Moritz V., Leidinger H.* Die Nacht des Kirpitschnikow. Eine andere Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2008, S. 66–96.

размышлениями о «скорой революции в России», которая за короткое время сломила бы великого противника Австро-Венгрии на Востоке. Эти предположения относительно возможной ранней нейтрализации царской империи в результате обострения ее внутренних проблем были, очевидно, переданы императору Францу Иосифу летом 1914 г., чтобы убедить его принять решение в пользу военной кампании². Однако ожидаемая русская революция не произошла ни в 1914 г., ни в последующие два года, став реальностью лишь в 1917 г. К этому времени экономическое положение Габсбургской империи значительно ухудшилось. В 1916 г. начался кризис снабжения.

То, что началось 23 февраля 1917 г. по действующему тогда в России юлианскому календарю, на Западе стало известно лишь в марте 1917 г.: 13 дней отделяли юлианский календарь от западного григорианского. К этому добавилась запаздывание с передачей сообщений о революционных событиях в России. Пришлось столкнуться с и без того сложной информационной ситуацией в связи с военным положением. Тем не менее расплывчатые сообщения о событиях в российской столице стали появляться в газетах Габсбургской монархии уже с 10 марта.

В оценке излагаемых событий прежде всего преобладала осторожность. Лишь 15 марта в газете «Новая свободная пресса» открыто заговорили о революции в России. На следующий день, через неделю после начала беспорядков в столице царской империи, появилась публикация: «Сегодняшний день следует назвать одним из величайших дней в истории человеческого развития. Самый могущественный деспотизм, когда-либо созданный, повержен». Революция, о ходе которой в то время еще мало знали, выглядела как «поворот в бурном потоке событий, протекающего мимо нас, и до сих пор не показавшего своего впадения»³.

Несмотря на неопределенность вокруг событий в России, и прежде всего относительно роли ее союзников, сразу напрашивался вопрос: принесут ли потрясения в России мир? И если да, то какой: общий или хотя бы завершение военного противостояния с Россией, иначе говоря сепаратный мир?

16 марта 1917 г. «Рабочая газета» в специальном выпуске о России посвятила вопросу о мире целую полосу; часть текстов удалила цензура, оставив на полосе белые пятна. В то время как многие австрийские газеты занимались спекуляциями на тему революции, затеянной Англией, партийный орган социал-демократии подчеркивал, что революцию в России «подняли рабочие, протест которых направлен против войны, против страданий, которые она сеет». Отныне войну, в случае ее продолжения, придется вести «против народа» России⁴.

Газета «Рейхспост», напротив, фокусировала внимание на предполагаемой ведущей роли Англии в революционном перевороте в России и предлагала размышлениям о том, готово ли большинство русских офицеров «пройти английскую военную службу под русским флагом и подчиниться вместо царских приказов сигналам лондонского Сити». Никто не сомневался в «лояльности царю» армии, состоявшей преимущественно из крестьян⁵.

«Новая свободная пресса» называла отрекшегося от престола царя «неспособным, но явно готовым к миру», и считала его «жертвой английских интриг». Монарх потому и был свергнут, что захотел выйти из союза с Англией⁶. Что касается

² Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919. Das politische Tagebuch Josef Redlichs, II. Bd. 1915–1919. Hrsg. F. Fellner. Graz – Köln, 1954, S. 182.

³ Neue Freie Presse, Morgenausgabe, 16.II.1917.

⁴ Arbeiter-Zeitung, 16.III.1917.

⁵ Reichspost Nachmittagsausgabe, 16.III.1917.

⁶ Moritz V. 1917. Österreichische Stimmen zur Russischen Revolution. St. Pölten – Salzburg, 2017, S. 19.

социал-демократического лагеря, то там не чувствовали никакой необходимости позитивно изображать Николая II. «Рабочая газета» на следующий день после отречения царя написала: «никогда еще ни один монарх так жалко не уходил с политической сцены»⁷. Не было сомнений в природе царского правления: «кровавая тирания», господствовавшая в России на протяжении веков, теперь «подвергнута суду мировой истории»⁸.

Постепенно в Австро-Венгрии становились известны факты о революции в России. Если социал-демократ Карл Реннер изначально видел только «переворот и шумиху», «ребяческую иллюзию»⁹, то постепенно революция в России начала принимать все более конкретные формы. События революции требовали оценки. В социал-демократическом лагере решились назвать свержение царской власти выдающимся событием. «Отныне мир изменился; он стал иным, подобно тому, как он изменился после Французской революции. В России произошел «огромный исторический прорыв плотины»¹⁰. Восторженность «Рабочей газеты» революционными событиями в России была жестко остановлена цензурой. Бросается в глаза большое количество чистых страниц, оставленных в газете цензорами. Это наводит на мысль об интерпретации газетой русских событий: газета, по-видимому, содержала слишком много опасных сравнений ситуации в России и в Дунайской монархии. В «Рейхспост», напротив, уже 17 марта 1917 г. было заявлено, что только «идеологи и полуидиоты» могут «восторгаться» революцией как таковой. Свержение царя следует приветствовать, поскольку оно ослабило враждебную Австро-Венгрии Российскую империю. Но в целом нужно «остерегаться превознесения революции до идеала»¹¹.

В последующие месяцы в Австро-Венгрии внимательно следили за революционной борьбой в России, в особенности за позицией страны по вопросу продолжения войны или, как того требовал Совет рабочих и солдатских депутатов, мира без аннексий и контрибуций¹². Тем временем стали возникать сомнения в том, что конец «старой» России положительно повлиял на судьбу монархии. В Австро-Венгрии также нарастали признаки глубокого кризиса. Дебаты депутатов созданного в мае 1917 г. более чем через три года рейхсрата вращались вокруг нарушений гражданских прав, совершенных вследствие войны. Углублялась пропасть между народами империи Габсбургов; росло глубокое отчуждение народа от государственного управления — результат, не ставший неожиданностью: «Пока в Австрии существовала конституционная, а не парламентская демократия, и в борьбе за власть между короной и правительством парламент мог быть в любое время распущен, в рейхсрате не зародилось никакой ответственности за государство в целом. Рейхсрат продолжал оставаться ареной национальной демагогии»¹³.

Как бы не оценивались мнения парламентариев о государственной политике, они вряд ли были способны вызывать патриотические чувства. В этой

⁷ Arbeiter-Zeitung, 17.III.1917.

⁸ Arbeiter-Zeitung, 19.III.1917.

⁹ Steiner H. Otto Bauer und der Kampf um den Frieden. — Internationale Tagung der Historiker der Arbeiterbewegung, 23. Linzer Konferenz 1987: Friedensfrage und Arbeiterbewegung 1917–1918. Wien, 1988, S. 143.

¹⁰ Arbeiter-Zeitung, 20.III.1917.

¹¹ Reichspost, 17.III.1917.

¹² Гарбульова Л. Падение царизма в России на страницах словацкой периодической печати за февраль — март 1917 г. — Запад — Восток, 2017, № 10, с. 146–147.

¹³ Hanisch E., Urbanitsch P. Die Prägung der politischen Öffentlichkeit durch die politischen Strömungen. — Rumpler H., Urbanitsch P. Die Habsburgermonarchie 1848–1918, Bd. VIII/1. Wien, 2006, S. 102.

неблагоприятной обстановке император Карл, находившийся у власти всего несколько месяцев, не смог проявить себя интегральной фигурой, в качестве которой был признан «своими народами» умерший в ноябре 1916 г. Франц Иосиф. Попытки пропаганды повысить степень известности и популярности молодого монарха не принесли желаемых результатов. В целом настроение в стране было плохим. Не радовали даже военные успехи, достигнутые в 1917 г. в войне против Италии: победы стоили слишком больших жертв. Большое количество военнопленных не вызвало энтузиазма: со всей остротой вставал вопрос, как накормить этих «вражеских солдат». Февральская революция 1917 г. в России началась с требования народом хлеба. Весной 1917 г. подобное развитие событий не исключалось и в Дунайской монархии. Удорожание и нормирование продовольствия стало частью повседневной жизни. Так называемые «голодные бунты» показали накал ситуации. Распространившиеся забастовки и беспорядки в мае 1917 г. достигли Вены, а в Богемии и Моравии для подавления волнений была мобилизована армия¹⁴. Выдвинутые требования в какой-то степени явно напоминали лозунги революции в России. В одной из листовок было прямо сказано: «Учите русский, учитесь от Петербурга»¹⁵. Сенсационный процесс над социал-демократом Фридрихом Адлером, который был приговорен к смертной казни за убийство премьер-министра Штюргха в октябре 1916 г., также повлиял на настроения населения¹⁶. Адлер использовал судебное заседание для оправдания мотивов своего поступка и обвинения «преступного правительства», которое в 1914 г. издало не что иное, как «приказ об объявлении войны народам Австрии». Жертва убийства граф Карл Штюргх стал символом так называемого «военного абсолютизма»: он был причастен к действовавшему с июля 1914 г. мерам по тотальному контролю и практике чрезвычайного регулирования, категорически отверг созыв цислейтанского парламента. Эти и другие мотивы были приведены Адлером на суде в качестве оправдания своего поступка: «Я виновен в той же степени, что и любой офицер, который убивал или приказывал убивать на войне, ни меньше, ни больше»¹⁷.

В то время как «Новая свободная пресса» анализировала мотивы «политического убийства» и изображала обвиняемого как своего рода добровольного «мученика», сознательно принявшего «горькую сладость» своей участи¹⁸, суд над австрийским социал-демократом вызвал сенсацию и в России. Там прошли демонстрации, призывавшие к освобождению Адлера¹⁹. Не только в революционной России Адлер оказался символом сопротивления угнетенных. Волнения рабочих в Австрии в случае фактического исполнения смертного приговора были неизбежны. Социал-демократами позже было сказано, что австрийские власти, вероятно под влиянием изменения общего политического климата в связи с событиями в России, не посмели передать правонарушителя в руки палача²⁰. Русская революция стала отправной точкой требований рабочих. В австрийских

¹⁴ Лишь в октябре 1917 г. было создано министерство социальных проблем. — *Rauchensteiner M.* Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien — Köln — Weimar, 2013, S. 751–752.

¹⁵ *Steiner H.* Op. cit., S. 143.

¹⁶ Ausführliche Berichterstattung darüber in der Arbeiter-Zeitung, 20.V.1917.

¹⁷ *Brügel, J. W.* Friedrich Adler vor dem Ausnahmegericht. 18. und 19. Mai 1917. Wien — Frankfurt — Zürich, 1967, S. 10.

¹⁸ Neue Freie Presse, 20. V.1917.

¹⁹ *Steiner H.* Op. cit., S. 143; *Zimmermann J.* „Von der Bluttat eines Unseligen“. Das Attentat Friedrich Adlers und seine Rezeption in der sozialdemokratischen Presse. Hamburg, 2000, S. 129.

²⁰ *Brügel J. W.* Op. cit., S. 12

правительственных кругах были серьезно встревожены. Отто Бауэр в сентябре 1917 г. писал: «Никто не может игнорировать того, что произошло в России»²¹.

Под этим он подразумевал изменения, которые принесла революция в России, и которые для многих в Габсбургской империи также представлялись желательными — социальные, национальные, а также ряд других требований. В апреле 1917 г. сторонники социал-демократической партии подхватили тему «новые свободы» в России. Например, среди требований был восьмичасовой рабочий день, а также избирательное право для женщин. Во время празднования 1 мая в Австрии произошли беспорядки, ход которых имел более или менее четкие параллели с февральскими событиями в России. Люди голодали и хотели мира. Власти успокаивали. По-прежнему в стране имелась значительная часть населения, готовая «держаться до конца»²². В то же время министр иностранных дел Австро-Венгрии граф О. Чернин предупредил императора об «удивительной легкости», с которой была свергнута «сильнейшая монархия в мире»²³. По словам графа, осталось совсем немного времени, чтобы спасти свою империю от краха. Однако правительство в Вене не нашло, как казалось, никакого рецепта для противодействия растущей «притягательной силе» российских событий. Поначалу некоторые уступки «требованиям улиц» казались неизбежными. В начале 1917 г. были обещаны или приняты некоторые меры в сфере социальной политики²⁴.

Правительство, как полагал весной 1917 г. депутат рейхсрата и позже временный министр Йозеф Редлих, «исключительно от страха стало весьма социал-демократическим»²⁵. С учетом напряженной ситуации в Австро-Венгрии можно было бы добиться большей помощи от германских союзников. Германская империя, однако, была равнодушной к все сильнее раздававшимся жалобам уставших от войны австрийцев. Например, министр иностранных дел Чернин создал у своего коллеги в Берлине впечатление, что в Австрии неизбежны массовые волнения. Ситуация там, по его словам, в апреле 1917 г., была «чрезвычайно серьезной». Более того, «большая часть войск во внутренних районах... казалась ненадежной». Поэтому тем более важно «привязать социал-демократическую организацию к нам и действовать через нее в широких массах»²⁶.

В то время как общественные дебаты о событиях русской революции и ее последствиях для выполнения демократических требований вызвали турбулентность во внутренней политике Венгрии²⁷, в Австрии в виду потрясений в бывшей царской империи были предприняты попытки заглушить протестные настроения. Например, в «Рейхспост» считали необходимым предупредить «свой народ» от увлечений требованиями «большой демократии», которые все чаще выдвигались в связи с потрясениями в России. Антисемитская враждебность сочеталась с призывом отказаться от демократии в Австрии: как негативный пример демократии, от которой нужно отказаться, приводилась революционная Россия, а также западные демократии. Обе формы «народного правления» были объявлены «псевдодемократиями»²⁸.

²¹ Arbeiter-Zeitung, 30.IX.1917. Сравни: *Гарбульова Л.* Указ. соч., с. 122.

²² Berichte über Streiks und diverse Ausschreitungen in Zusammenhang mit der Russischen Revolution. — Österreichisches Staatsarchiv (далее — OeStA), AVA Inneres MdI Präs. 22, in gen. 1917, Kt. 2068.

²³ Czernin O. Im Weltkrieg. Berlin — Wien, 1919, S. 199.

²⁴ Höglinger F. Ministerpräsident Heinrich Graf Clam-Martinic. Graz — Köln, 1964, S. 166–171.

²⁵ Schicksalsjahre Österreichs..., Bd. II, S. 199.

²⁶ Böhm J. Czernin, Adler und Stockholm. Über die Zusammenarbeit österreichischer Rechtssozialisten mit der Regierung im Jahr 1917. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 16, 1968, S. 620.

²⁷ Hönsch J. K. Geschichte Ungarns 1867–1983, Stuttgart, 1984, S. 83–85.

²⁸ Reichspost, 22.IV.1917.

Невзирая на такие призывы, депутаты Палаты представителей, работа которой была приостановлена весной 1914 г., возобновили свои заседания. О том, какое влияние русская революция оказала на открытие рейхсрата, существуют разные мнения. Во всяком случае, министр иностранных дел Чернин не хотел видеть в этом никакой связи²⁹. Предложение о созыве народных представителей (при участии императора) было предметом дискуссий еще до свержения власти в Петрограде. Тем не менее, Февральская революция в России возможно все-таки благоприятствовала решению о повторном созыве парламента³⁰.

Однако тем, кто с теми или иными оговорками приветствовал революцию в России, было трудно понять и принять связанные с ней радикальные перемены. Депутат парламента социал-демократ Виктор Адлер (отец Фридриха Адлера) в мае 1917 г. открыто признался представителям германской социал-демократии, что изменившиеся обстоятельства в России теперь повлияли и на его собственную партию, что существует новый тип необходимых действий, который привел к новым вызовам: «У нас нет больше фона царизма — ни у правительства, ни и у нас»³¹. Если война против «деспотической России» в 1914 г. была поддержана, то сейчас продолжение войны против революционной России находилось под угрозой. Ввиду внутрипартийных конфликтов, не в последнюю очередь вызванных вопросом об «уроках» русской революции для собственного курса, для австрийской социал-демократии было необходимо определить свою позицию по отношению к русской революции, а также к австрийскому правительству.

Захват власти большевиками не стал неожиданностью для наблюдателей и комментаторов в Габсбургской империи. Признаки нового переворота были слишком явными. Слухи о предстоящем большевистском перевороте распространялись повсюду задолго до октября или ноября 1917 г. Например, 20 июня 1917 г. граф Хадик, австрийский посланник в Стокгольме, телеграфировал, что эксперт по России профессор Венского университета Ханс Уберсбергер³² получил известие от знакомого из Петербурга, согласно которому «Ленин предпринял все приготовления для нанесения удара через несколько дней, а в случае успеха — для захвата власти». Но в то время считалось, что успеха такого предприятия «едва ли можно ожидать»³³.

Любой, кто наблюдал за событиями в России после Февральской революции, видел нестабильность государства. Если уже в начале революционного переворота в австрийской прессе говорили о запутанных отношениях, то с лета 1917 г. Россия, казалось, окончательно погрузилась в хаос. Это слово стало ключевым в русских репортажах в Габсбургской империи. Наконец, в августе «мятеж» генерала Корнилова вызвал новый кризис Временного правительства. Однако провал «корниловского мятежа» был также одобрительно встречен в Австро-Венгерской империи. В дипломатических кругах считалось «доказанным», что Корнилов действовал заодно с Антантой во имя «общего дела» и добился возрождения армии для борьбы против Центральных держав³⁴. За рубежом у многих наблюдателей

²⁹ Czernin O. Op. cit., Bd. 2, S. 201–202; Ehrenpreis P. Kriegs- und Friedensziele im Diskurs. Regierung und deutschsprachige Öffentlichkeit Österreich-Ungarns während des Ersten Weltkriegs. Innsbruck — Wien — Bozen, 2005, S. 441.

³⁰ Höglinger F. Op. cit., S. 132–133, 143–149.

³¹ Marin F. Die deutsch-österreichische Sozialdemokratie und die Friedensbestrebungen 1917.— Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 38.

³² Suppan A., Wakounig M. Hans Uebersberger 1877–1962. — Osteuropäische Geschichte in Wien. 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität. Innsbruck — Wien, 2007, S. 91–167.

³³ Telegramm, Graf Hadik, Stockholm, 20. Juni 1917, № 357. — OeStA/HHSTA PA I 834.

³⁴ Telegramm Graf Hadik Stockholm, 24. September 1917, № 588. — Ibidem.

сложилось впечатление, что только очередное изменение в верхах России может обеспечить выход из, казалось бы, неразрешимого российского «государственного кризиса». В любом случае, Октябрьской революции «сенсационность» менее свойственна, чем Февральской революции 1917 г.

В отличие от Февральской революции, которая свергла многовековое господство царизма и поэтому воспринималась как ключевой момент истории, в Октябре, на первый взгляд, произошла лишь очередная рокировка внутри революционных сил. Началась следующая глава в развитии революции, которая должна была завершиться выборами в Учредительное собрание. Примечательно, что в австрийской прессе в связи с Октябрьской революцией говорили о «петербургской вращающейся сцене», на которую вышли новые действующие лица³⁵.

Самым важным вопросом в новой ситуации, сложившейся после Октябрьского переворота, был для империи Габсбургов не вопрос о том, кто и при каких условиях возглавит Россию, сколько вопрос, что новое руководство России намерено предпринять. Все сводилось к одному: будет ли мир или нет? Учитывая то, что большевики считали, что шансы на прекращение войны, по крайней мере, на Востоке, были высоки, большевистский переворот австрийскими газетами был немедленно воспринят как «революция мира»³⁶. Через четыре дня после того, как Ленин и его товарищи захватили власть в Петрограде, орган социал-демократической партии провозгласил: «Да здравствуют наши русские братья! Их смелый поступок дает миру огромную надежду. Дает нам перспективу окончательного освобождения от всех ужасов и невзгод этой ужасной войны! И если это удастся, тогда начинается новая эра в истории человечества. Если социализм способен принести мир в измученный войной мир, то миллионы освобожденных людей устремятся к нему; тогда торжество мира станет победой социализма!»³⁷. Другие газеты, такие как христианско-социальная «Рейхспост», изначально сдержанно относились к скудно поступающим новостям из России. Через несколько дней после штурма знаменитого Зимнего дворца в Петрограде и ареста министров Временного правительства газеты гадали, действительно ли большевики выиграли битву за власть. 14 ноября 1917 г. «Рейхспост»³⁸ предупреждала австрийцев: «На примере России народы могут изучать то, что им угрожает, когда они расшатывают свои древние устои и слушают революционные лозунги: святая растерянность, дезорганизация, разорение, паралич власти — вместо мира. Все сражаются против всех»³⁹. Это было напоминание тем народам собственной империи, чьи представители, не в последнюю очередь в рейхсрате, все более четко выражали свои национальные требования⁴⁰. Монархия все больше казалась им устаревшей структурой, более не соответствующей «новой эре». В империи «упадок и декаданс» затемняет реальность, а человек все еще «спасает неспасенных», вместо того, чтобы «честно поднять знамя демократии и свободы». Все это было высказано прямо. Для одних такие

³⁵ Reichspost, 9.XI.1917.

³⁶ Suppan A. „Eine Revolution für den Frieden“. Kommentare und Berichte zur Russischen Oktober-Revolution in der Wiener Arbeiter-Zeitung. Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler. Hrsg. G. Hausmann. Wiesbaden, 2009, S. 403–423.

³⁷ Arbeiter-Zeitung, 11.XI.1918.

³⁸ Reichspost, 14.XI.1917.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Новую оценку влияния национальной политики на упадок монархии Габсбургов дают П. Юдсон и Х. Ляйдингер: Judson P. The Habsburg Empire. A new history. Cambridge — London, 2016; Leidinger H. Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck — Wien, 2017.

заявления были государственной изменой, для других означали подлинный анализ событий⁴¹.

«Новая эра», которая обсуждалась в Венском парламенте, несомненно, имела непосредственное отношение к тому, что происходило в России. Речь шла не только о переходе от монархии к республике или о предполагаемом суверенитете советов, но и о беспрецедентном изменении существующего общественного порядка и политики, которая учитывала национальные чаяния. Многое было сделано в этом направлении после Февральской революции. В империи Габсбургов с большим напряжением следили за развитием событий в России. Среди славян лозунг «самоопределение наций» попал на благодатную почву. Власть имущие империи Габсбургов с тревогой смотрели на то, как поданные Австро-Венгрии поляки, русины или украинцы воспринимали национальную политику новых правителей в России. Даже в «Королевстве Польша», находившемся под контролем Центральных держав, ожидания относительно удовлетворительной перспективы на будущее и удовлетворения национальных потребностей на «буксире» Берлина и Вены, по меньшей мере, казались бесконечными⁴².

Большое впечатление в Австро-Венгрии произвели, например, события в Украине, когда Центральный совет, Рада, в июне 1917 г. объявила, что страна отныне возьмет свою судьбу в свои руки. Последствия связанных с этим событий для чехов или южных славян были предсказуемы. Фактически, в 1917 г. в империи Габсбургов происходило много событий, связанных с национальными требованиями — конечно, не только из-за событий в России, но, безусловно, не и без их влияния. Например, депутаты «Чешского союза» (*Český svaz*) уже 30 мая 1917 г. выдвинули требование создания Чехословацкого государства. Вскоре после этого чешские социал-демократы высказались в пользу «богемско-словацкого государства со всеми атрибутами суверенитета»⁴³.

Символическая сила российских заявлений о национальном самоопределении была велика⁴⁴. В Австрии на них среагировали еще до того, как президент США В. Вильсон в своих знаменитых «14 пунктах» поднял вопрос о будущем народов Австро-Венгрии, об «автономном развитии», независимом польском государстве⁴⁵, не используя, однако, слов «демократия» и «самоопределение»⁴⁶. В Праге в январе 1918 г. была принята так называемая «Богоявленская декларация», в которой вновь рассматривались варианты «национального будущего» чехов (при участии словацких делегатов). В этом заявлении подчеркивалась «интернационализация» богемского вопроса; «в качестве новшества пришлось пропустить обязательные слова о том, что все эти требования должны быть реализованы под скипетром потомственной династии»⁴⁷.

Кроме того, не пропущенное цензурой заявление ссылалось на предложения большевиков, согласно которым представители национальностей Габсбургской империи должны были быть допущены к начавшимся в конце 1917 г. в Брест-

⁴¹ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53. Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2. Wien, 1918, S. 2811, Rede des Abgeordneten Klofac.

⁴² Höbelt L. „Stehen oder Fallen“? Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien — Köln — Weimar, 2015, S. 109–116.

⁴³ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 50. Sitzung der XXII. Session am 18. Dezember 1917, Bd. 1. Wien, 1917, S. 2685.

⁴⁴ Tooze A. Sintflut. Die Neuordnung der Welt 1916–1931. München, 2015, S. 160–161.

⁴⁵ В некоторых исследованиях эти заявления сравниваются с «14 пунктами» президента США В. Вильсона, которые были опубликованы двумя днями позже.

⁴⁶ Tooze A. Op. cit., S. 153.

⁴⁷ Höbelt L. Op. cit., S. 215.

Литовске и Петрограде мирным переговорам. В реальности мирное предложение большевиков не было отправлено ни «правителям», ни «управляемым». В декабре 1917 г. это обстоятельство вызвало ожесточенные дебаты в палате представителей рейхсрата. Представитель чешских социал-демократов обвинил правительство в том, что оно хотело вести войну без участия народов рейха, а теперь и в том, что оно хотело заключить мир без их представителей⁴⁸. Словенский депутат Антон Корощец от имени южных славян даже оспорил у делегации для введения мирных переговоров с большевиками, возглавляемой министром иностранных дел Черным, ее легитимность, так как она не представляла интересы народов рейха⁴⁹.

Все эти заявления, исходя из возмущения «дипломатией заговорщиков», исключаяющей участие «подданных», вылились в принципиальное неприятие условий переговоров. В январе 1918 г. Виктор Адлер был убежден, что Австрии, которую он считал «отсталой», так как в ней живут скованные имперской властью и остановленные в своем саморазвитии народы, следует меняться как в социальном, так и в национальном плане под влиянием событий в России. При этом он считал, что «всему свое время»⁵⁰.

Признаки растущей усталости от войны в империи вряд ли можно было игнорировать. Большевики, в свою очередь, не хотели ограничивать свою «пролетарскую революцию» одной Россией. В сентябре 1917 г. один из лидеров большевиков Карл Радек объявил о неизбежной смерти особого рода: «Мир умирает. Как долго будут длиться его конвульсии, насколько его труп отравит воздух, он — труп, и «рабочий класс должен покончить с ним, если сам не хочет погибнуть»⁵¹. Обстановка в Дунайской монархии накалялась. По мере обострения «продовольственного кризиса» и затягивания подписания мира с революционной Россией, рос протест рабочего класса. Как утверждали рабочие, окончание многолетней мировой бойни не должно было зависеть от территориальных требований не знающих меры немецких генералов⁵². Когда в январе 1918 г. в Австрии начались крупные забастовки, а затем и матросы военно-морского флота подняли мятеж, было естественно связать эти события с Россией⁵³. Нервозность в центрах власти Габсбургской империи возросла. Установление военного режима казалось властью имущим эффективным средством восстановления контроля над ситуацией. Даже социал-демократам, которых власти официально призывали на помощь, трудно было остановить забастовки. В конце концов забастовочное движение замедлилось, но не из-за содействия социал-демократических функционеров, а потому, что рабочим не хватало направляющей руки. Тем не менее, социал-демократия пыталась зафиксировать «январь 1918 г.» как успех партии. В конце концов, на фоне массовых протестов правительство было готово вступить в переговоры с социал-демократической партией о требованиях рабочего класса. Однако впоследствии сделанные властью уступки критики восприняли как косметические. Виктор Адлер боролся за справедливую оценку достигнутого и увидел в этом промежуточную победу — «не больше и не меньше»⁵⁴.

⁴⁸ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 50. Sitzung der XXII. Session am 18. Dezember 1917, Bd.1, S. 2685.

⁴⁹ Ibid., 2681–2683.

⁵⁰ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53. Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2, S. 2821.

⁵¹ *Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein! Karl Radek. Die Biographie. Wien — Köln — Weimar, 2012, S. 221.

⁵² *Altrichter H.* Rußland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017, S. 58.

⁵³ *Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front: Militärassistenten, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974.

⁵⁴ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53. Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2, S. 2821–2822.

Между тем, в окружении императора были убеждены, что только «политика твердой руки» сможет противостоять внутреннему вызывающему страх хаосу. Однако планы по установлению военного режима были отложены ввиду временного успокоения ситуации⁵⁵. Однако не все считали такой шаг мудрым: кайзер Карл не может настоять на принятии трудных решений. «Несчастный монарх... не принял во внимание тот факт, что иногда хирургическое вмешательство неизбежно необходимо, чтобы исцелить больное тело», — сказал австрийский дипломат Эмерих Чаки. Он заявил о «неуместной снисходительности» императора⁵⁶.

Несмотря на это австрийская контрразведка в сотрудничестве с гражданскими властями приступила к разработке стратегий улучшения контроля за ситуацией в стране — не в последнюю очередь, борьбы против мятежных рабочих⁵⁷. При отсутствии других мер, эти меры, по крайней мере, гарантировали, что Австрия не повторит судьбу царской империи. Практика цензуры в Цислейтании, воспринятая министром иностранных дел Черниным как скандальная, якобы обеспечила осведомленность россиян об огромных масштабах, которые приняли протесты рабочих в Австрии. В то время как Виктор Адлер полагал, что Лев Троцкий все равно знает, как обстоят дела с Австрией и что ситуация «чертовски плоха»⁵⁸, известия о январских забастовках вызвали эйфорию у большевиков: они увидели, что их пророчества о надвигающейся революции в Австро-Венгерской монархии подтвердились. Но их ликование было преждевременным.

Революции в Габсбургской империи и в Германии весной 1918 г. не состоялись. Мирный договор, подписанный Центральными державами с Советской Россией в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. и поставивший большевиков на колени числом сделанных ими уступок победителям, Ленин интерпретировал лишь как мирную передышку на пути к мировой революции. Теперь, когда война закончилась, возвращающиеся домой военнопленные Центральных держав должны были работать на революцию и нести «бациллы большевизма» в свои страны. Карл Радек хвастался немецким собеседникам полумиллионом «революционизированных немецких, австрийских, венгерских и других военнопленных», которые якобы уже присоединились к большевикам в России или, как он утверждал, собирались пойти на этот шаг⁵⁹. Такие сценарии вызывали неопределенность. В Вене были встревожены. Там планировали некий идеолого-моральный карантин с целью соответствующего «перевоспитания» репатриантов из России до их реинтеграции в австрийскую армию и транспортировку во внутренние районы страны. Нелояльные элементы должны были быть отделены от лояльных, «утраченный патриотизм» возрожден, а большевистская идеология «искоренена»⁶⁰. Хотя в ходе проверок мало кто был разоблачен как убежденный

⁵⁵ Höbelt L. Op. cit., S. 214–215.

⁵⁶ Vom Geachteten zum Geächteten. Erinnerungen des k. und k. Diplomaten und k. ungarischen Außenministers Emerich Csáky (1882–1961). Hrsg. E.-M. Csáky. Wien — Köln — Weimar, 1992, S. 250.

⁵⁷ Protokoll einer Besprechung von Nachrichtendienstoffizieren, 4.8.1918.— OeStA/KA NL 126:2 (B): Maximilian Ronge.

⁵⁸ Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53 Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2, S. 2822.

⁵⁹ Otto Bauer..., S. 242.

⁶⁰ Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien — Köln — Weimar, 2003, S. 453–467.

сторонник русской революции, а коллективное недоверие к «возвращенцам» из России оказалось контрпродуктивным, тем не менее власти не отказались от начатого курса. Но даже «патриотические уроки», которые были даны бывшим военнопленным, не смогли остановить разрушительный процесс: в то время как надежды большевиков на революцию в Германии и Австро-Венгрии оставались в силе, перспективы победы для Центральных держав становились все более зыбкими. Выход из войны Болгарии в сентябре 1918 г. способствовал поражению австро-венгерских вооруженных сил. Через несколько месяцев после подписания Брестского мирного договора Германская империя и многонациональная Дунайская монархия исчезли с карты Европы. Большевики, напротив, не взирая на все прогнозы австрийских властей о скором падении своего режима, оставались у власти в России.

Русская революция не была ответственна за падение Габсбургской империи, но она привела в движение механизмы и ускорила процессы, которые по-разному и в разной мере способствовали краху австрийско-венгерской монархии. Потрясения в бывшей царской империи стали исходными пунктами для социальных и национальных требований, выдвинутых в Габсбургской империи в 1917–1918 гг.

Австро-Венгрия распалась на национальные государства с хрупкой демократией и нездоровой экономикой. В немецкой Австрийской республике, возникшей в конце 1918 г., доминировала сильная социал-демократия, которая сдерживала революционные тенденции и существенно повлияла на формирование политики первого послевоенного периода. Отношение австрийских социал-демократов к большевистскому курсу в любом случае оказалось амбивалентным: несмотря на начатую в 1918 г. открытую критику насильственного большевистского режима, в силе оставалось признание великой символической силы Октябрьской революции в России.

Библиография

- Гарбульова Л.* Падение царизма в России на страницах словацкой периодической печати за февраль – март 1917 г. – Запад – Восток, 2017, № 10, с. 119–126.
- Altrichter H.* Rußland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017.
- Böhm J.* Czernin, Adler und Stockholm. Über die Zusammenarbeit österreichischer Rechtssozialisten mit der Regierung im Jahr 1917. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 16, 1968, S. 615–623.
- Brügel J. W.* Friedrich Adler vor dem Ausnahmegericht. 18. und 19. Mai 1917. Wien – Frankfurt – Zürich, 1967.
- Czernin O.* Im Weltkriege. Berlin – Wien, 1919.
- Ehrenpreis P.* Kriegs- und Friedensziele im Diskurs. Regierung und deutschsprachige Öffentlichkeit Österreich-Ungarns während des Ersten Weltkriegs. Innsbruck – Wien – Bozen, 2005.
- Gutjahr W.-D.* Revolution muss sein! Karl Radek. Die Biographie. Wien – Köln – Weimar, 2012.
- Hanisch E., Urbanitsch P.* Die Prägung der politischen Öffentlichkeit durch die politischen Strömungen. – Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. H. Rumpler, P. Urbanitsch, Bd. VIII/1. Wien, 2006, S. 15–111.
- Höbelt L.* „Stehen oder Fallen?“ Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar, 2015.
- Höglinger F.* Ministerpräsident Heinrich Graf Clam-Martinic. Graz – Köln, 1964.
- Hönsch J. K.* Geschichte Ungarns 1867–1983. Stuttgart, 1984.
- Judson P.* The Habsburg Empire. A New History. Cambridge – London, 2016.
- Leidinger H.* Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck – Wien, 2017.
- Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien – Köln – Weimar, 2003.

Marin F. Die deutsch-österreichische Sozialdemokratie und die Friedensbestrebungen 1917. – Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 33–46.

Moritz V. „Wir sind also noch fähig zu wollen!“ Alexander Hoyos und die Entfesselung des Ersten Weltkriegs. – *Moritz V., Leidinger H.* Die Nacht des Kirpitschnikow. Eine andere Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2008, S. 66–96.

Moritz V. 1917. Österreichische Stimmen zur Russischen Revolution. St. Pölten – Salzburg, 2017.

Otto Bauer (1881–1938). Theorie und Praxis. Hrsg. E. Fröschl, H. Zoitl. Wien, 1985.

Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front: Militärassistent, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974.

Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53. Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2. Wien, 1918.

Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien – Köln – Weimar, 2013.

Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919. Das politische Tagebuch Josef Redlichs, II. Band 1915–1919. Hrsg. F. Fellner. Graz – Köln, 1954.

Steiner H. Otto Bauer und der Kampf um den Frieden. – Internationale Tagung der Historiker der Arbeiterbewegung, 23. Linzer Konferenz 1987: Friedensfrage und Arbeiterbewegung 1917–1918. Wien, 1988, 142–150.

Suppan A. „Eine Revolution für den Frieden.“ – Kommentare und Berichte zur Russischen Oktober-Revolution in der Wiener Arbeiter-Zeitung. – Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler. Hrsg. G. Hausmann. Wiesbaden, 2009, S. 403–423.

Suppan A., Wakounig M. Hans Uebersberger 1877–1962. – Osteuropäische Geschichte in Wien. 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität. Innsbruck – Wien, 2007, S. 91–167.

Tooze A. Sintflut. Die Neuordnung der Welt 1916–1931. München, 2015.

Vom Geachteten zum Geächteten. Erinnerungen des k. und k. Diplomaten und k. ungarischen Außenministers Emerich Csáky (1882–1961). Hrsg. E.-M. Csáky. Wien – Köln – Weimar, 1992.

Zimmermann J. „Von der Bluttat eines Unseligen“. Das Attentat Friedrich Adlers und seine Rezeption in der sozialdemokratischen Presse. Hamburg, 2000.

References

Garbulova L. Padenie carizma v Rossii na stranicah slovackoj periodicheskoj pechati za fevral' – mart 1917 g. – Zapad – Vostok [The Fall of Tsarism in Russia on The pages of the Slovak Periodical for February-March 1917. – West – East], 2017, № 10, p. 119–126. (In Russ.)

Altrichter H. Rußland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017.

Böhm J. Czernin, Adler und Stockholm. Über die Zusammenarbeit österreichischer Rechtssozialisten mit der Regierung im Jahr 1917. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 16, 1968, S. 615–623.

Brügel J. W. Friedrich Adler vor dem Ausnahmegericht. 18. und 19. Mai 1917. Wien – Frankfurt – Zürich, 1967.

Czernin O. Im Weltkriege. Berlin – Wien, 1919.

Ehrenpreis P. Kriegs- und Friedensziele im Diskurs. Regierung und deutschsprachige Öffentlichkeit Österreich-Ungarns während des Ersten Weltkriegs. Innsbruck – Wien – Bozen, 2005.

Gutfahr W.-D. Revolution muss sein! Karl Radek. Die Biographie. Wien – Köln – Weimar, 2012.

Hanisch E., Urbanitsch P. Die Prägung der politischen Öffentlichkeit durch die politischen Strömungen. – Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Hrsg. H. Rumpler, P. Urbanitsch, Bd. VIII/1. Wien, 2006, S. 15–111.

Höbelt L. „Stehen oder Fallen“? Österreichische Politik im Ersten Weltkrieg. Wien – Köln – Weimar, 2015.

Höglinger F. Ministerpräsident Heinrich Graf Clam-Martinic. Graz – Köln, 1964.

Hönsch J. K. Geschichte Ungarns 1867–1983. Stuttgart, 1984.

Judson P. The Habsburg Empire. A New History. Cambridge – London, 2016.

Leidinger H. Der Untergang der Habsburgermonarchie. Innsbruck – Wien, 2017.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien – Köln – Weimar, 2003.

Marin F. Die deutsch-österreichische Sozialdemokratie und die Friedensbestrebungen 1917. – Karl I. (IV.), der Erste Weltkrieg und das Ende der Donaumonarchie. Hrsg. A. Gottsmann. Wien, 2007, S. 33–46.

Moritz V. „Wir sind also noch fähig zu wollen!“ Alexander Hoyos und die Entfesselung des Ersten Weltkriegs. – *Moritz V., Leidinger H.* Die Nacht des Kirpitschnikow. Eine andere Geschichte des Ersten Weltkriegs. München, 2008, S. 66–96.

Moritz V. 1917. Österreichische Stimmen zur Russischen Revolution. St. Pölten – Salzburg, 2017.

Otto Bauer (1881–1938). Theorie und Praxis. Hrsg. E. Fröschl, H. Zoitl. Wien, 1985.

Plaschka R. G., Haselsteiner H., Suppan A. Innere Front: Militärassistenz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918. Wien, 1974.

Protokoll des Hauses der Abgeordneten, 53. Sitzung der XXII. Session am 22. Jänner 1918, Bd. 2. Wien, 1918.

Rauchensteiner M. Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien – Köln – Weimar, 2013.

Schicksalsjahre Österreichs 1908–1919. Das politische Tagebuch Josef Redlichs, II. Band 1915–1919. Hrsg. F. Fellner. Graz – Köln, 1954.

Steiner H. Otto Bauer und der Kampf um den Frieden. – Internationale Tagung der Historiker der Arbeiterbewegung, 23. Linzer Konferenz 1987: Friedensfrage und Arbeiterbewegung 1917–1918. Wien, 1988, 142–150.

Suppan A. „Eine Revolution für den Frieden.“ – Kommentare und Berichte zur Russischen Oktober-Revolution in der Wiener Arbeiter-Zeitung. – Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler. Hrsg. G. Hausmann. Wiesbaden, 2009, S. 403–423.

Suppan A., Wakounig M. Hans Uebersberger 1877–1962. – Osteuropäische Geschichte in Wien. 100 Jahre Forschung und Lehre an der Universität. Innsbruck – Wien, 2007, S. 91–167.

Tooze A. Sintflut. Die Neuordnung der Welt 1916–1931. München, 2015.

Vom Geachteten zum Geächteten. Erinnerungen des k. und k. Diplomaten und k. ungarischen Außenministers Emerich Csáky (1882–1961). Hrsg. E.-M. Csáky. Wien – Köln – Weimar, 1992.

Zimmermann J. „Von der Bluttat eines Unseligen“. Das Attentat Friedrich Adlers und seine Rezeption in der sozialdemokratischen Presse. Hamburg, 2000.